

Елена Шевченко

* * *

Слегка стекло морозное потри
И высмотри картинку на удачу.
На гнёзда аистов похожи фонари,
Когда темнеют в сумерках стоячих.

Мирок трамвайный – краткий перегон
Меж точками бытийного пространства,
Кати-кати, обшарпанный вагон,
С суровым старомодным постоянством.

Чуть-чуть размыты контуры домов,
Деревьев, окон, лавок и качелей.
Ещё не вышла ночь из берегов,
Ещё белеют отмели и мели.

Сонливый город вылинял внутри,
Трусит домой подвыпивший прохожий,
На гнёзда аистов похожи фонари,
А впрочем, всё на что-нибудь похоже.

* * *

Волшебство осыпается в срок
С обречённостью листьев осенних.
Ветерок по лицу, холодок
Да сиротские шаткие тени.

Волшебство облетает шутя
По законам земной круговерти,
По дорогам пустым шелестя
На пути от рождения к смерти.

Те же липы вразлёт, тот же дом,
Та же я – не добрей и не хуже,
Но не греют былым волшебством
Ни улыбка, ни праздничный ужин,

Ни бесхитростный нежный уют
Двух ладошек, испачканных в тесте,
Ни лиловый небесный лоскут,
Из окошка увиденный вместе.

Но не жди – я не скоро смирюсь
И дары не растрочу впустую,
Я на взлёте ещё ухвачусь
За слепящую нить золотую.

* * *

Музейный плен любой неволи слаще,
Здесь даже мысли те же, да не те.
Ищи-ищи и, стало быть, обрящешь
Себя другого в рамке на холсте.

Внутри и вне всё будто понарошку –
Муляж окна с закатом расписным,
Вот сумерек сиреневая крошка,
Где можно жить блаженным и смешным,

Нерасторопным, лёгким и неспешным,
И простодушным до корней волос,
И как-то в откровенности нездешней
Нащупать суть, но не принять всерьёз.

Музейный сад, чугунная ограда –
Январским снегом занесённый порт.
Заплаканные глазки винограда
И яблоко. – Голландский натюрморт.

Волшебство осыпается в срок
С обречённостью листьев в осенних.

135

* * *

Сегодня в семь песочная река
Мгновенного достигла равновесья.
Качнулся воздух в комнате слегка,
Китайский пупс, ожив, поклон отвесил

И закивал послушной головой.
Никто не крикнул времени «Постой!»
Струилась дальше жёлтая река.
Одно могу сказать наверняка:

У времени прохладный бок дельфиний,
Гербарный запах фуксий и глициний
И по-оленьи грустные глаза.

* * *

Сад теней на тонкой занавеске,
Холодком пахнуло из окна.
На обоях то ли арабески,
То ли фрески выцветшего сна.

Хрипло лает рыжая шалава,
В коридоре грохают шаги –
Это вор, соседов кореш Слава,
Точно призрак, вышел из пурги.

Из пурги выходят конь и птица
На больших берёзовых ногах,
Мы втроём пускаемся кружиться
И куда-то падаем впотьмах.

Под крылом у птицы тёмно, сухо,
Баю-баю, птенчик, баю-бай!
Но кривая снежная старуха
Глухо шепчет птице: «Улетай!»

Мне бы в ватной люльке поднебесной
Спать и спать всю зиму напролёт.
Ну, а дальше? Дальше всё известно.
Бьёт двенадцать... и корабль плывёт.

* * *

Погода что-то в городе строга,
Уплыть бы прочь – по Волге ли, по Каме,
Крутые созерцая берега,
Цедя мускат и книжку Мураками.

Лишённый век всевидящий геккон
день и ночь не спит и смотрит в оба.
Я не усну, мне хочется, как он,
Не пропустить и малого, и чтобы

Тревожилось, рябило и росло,
Раскинувшись, качалось за кормою
Небес перепелиное крыло,
Зеркально отражённое водою.

* * *

Сентябрь бездумно листьями сорит,
Он легкоперст и царственно небрежен,
А в горле жарко саднит и свербит,
И пегий листик вздрагивает реже,

Всё реже, всё нездешней и слабей,
Приверженней невидимому чуду,
А я за вольность светоносных дней
Благодарю случайную простуду,

Целебный бред, пробившийся сквозь страх,
Сквозь нехотенье и пустую дрёму,
Я вижу книжку толстую в руках,
И чьи-то крылья хлопают над домом.

Я точно зверь всё лето проспала,
Я точно филин пряталась от света,
И вот вчера разбужена была
Мальчишьим криком мёртвого поэта.

Вечерних листьев гаснут корабли,
Уходят в небо лебеди и братья.
Вернулся слух, спроси, надолго ли?
Сие есть тайна за седьмой печатью.

* * *

Я напишу, когда лиловый свет
Стечёт с окна на краешек постели,
Когда, качая тоненький багет,
На волю плавно тронутся форели

И, оставляя мокрые следы
На штукатурке, стёклах и обоях,
Исчезнут в море мартовской воды.
А я, в окно выглядывая, стоя

У самой кромки ветреного дня, –
И рыбам – вслед, и облакам – навстречу,
Шепну: «Почтите ждущую меня
Намёком, звуком, отголоском речи!»

Мне нужен знак, что время, что пора
Собрать по каплям новую тревогу,
Она во мне поселится с утра
И будет ждать пустяшного предлога,

Чтоб дорасти до локтя, до плеча,
До потолка и кроны тополиной,
Я не возьмусь за письма сгоряча,
А осторожно вылеплю из глины

Послушных слов фигурки и дворы,
Дома, зверей, дощатые качели,
Душистый плов, бесшумные ковры,
Там всё игра и всё на самом деле.

Я напишу, но ты не обессудь,
Когда в галдящей кукольной вселенной
За пёстрым скарбом притаится суть –
Опасный, нежный, безнадёжный пленный...

Но нынче небо низкое, увы,
Невнятный дождь и ветер переменный,
И белые дворняги, словно львы,
На парапетах замерли надменно.

* * *

Я – гость в чужом саду,
Как кошка, осторожно
По кромочке иду
С котомочкой дорожной.

Чуть-чуть поднатореть,
Обжиться понемножку –
Что пугало одеть
В хозяйскую одежду.

Над чётками плодов
Крыжовника и сливы,
Над криком поездов,
Гортанным и глумливым,

Кружатся облака –
Небесные метели,
Как праздная строка,
Без якоря и цели.

Здесь яблоки летят,
Дырявя дни и ночи,
Чужой нескудный сад,
Как леший, заморочит.

Под комариный звон
И бормотанье соков
Его обманчив сон
И недреманно око.

Отсюда не уйти,
Не выскользнуть неслышно –
Судьба тебе расти
Меж яблоней и вишней.

